

ДЕНИС СТАРЫЙ

ЗОНА МОЛЧУНОВ

МЕРТВАЯ

ЖЕНЩИНА

ТОМ II

Зона молчунов

Денис Старый

Мертвая тишина. Том 2

«Автор»

2026

Старый Д.

Мертвая тишина. Том 2 / Д. Старый — «Автор», 2026 — (Зона молчунов)

Не залипайте в телефонах на сомнительных ресурсах. Читайте книги и, возможно, не станете молчунами. Они не говорят, не чувствуют боли, не ищут еды. Только идут на любой звук и убивают. Я видел, как исчез привычный мир и наступила МЕРТВАЯ ТИШИНА. Хочешь пошуметь, будь готов умереть. Я — Александр Корзун. Ещё недавно агент под прикрытием, а теперь выживальщик. Мне нужно спасти тех, кто ещё может выжить. Только в новом мире не всегда ясно, кто опаснее, молчуны или люди. Без системы и государства человек становится хищником. Теперь я сам себе закон. И если у этой катастрофы есть причина, я найду того, кто за ней стоит.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20

Денис Старый

Мертвая тишина. Том 2

Глава 1

Прошло всего два дня, а казалось — миновала целая вечность. А это всего лишь два дня. Но такие... Растянутые. Вот как в прошлой жизни? Стал смотреть телевизор, прошел час, два, десять. Со смартфонами, которые я, слава Богу не застал, ибо двадцать шесть лет жизни кто-то или что-то у меня вырезал это время. Зачем? Нужно еще разобраться.

Вот только времени на размышления мало.

— Тра-та-та! — разорвала густую тишину короткая автоматная очередь, прошивая сразу двух выскочивших на нас молчунов. — Бах! — следом грохнул тяжелый выстрел, это Полковник ударил из своего гладкоствольного ружья крупной картечью.

Этим свинцовым шквалом он упокоил ещё двоих, при этом ни один из оставшихся в живых нелюдей не избежал ранений. Да, мы уже прекрасно знали: обычные раны им нипочём, они не чувствуют боли. Но этот плотный огонь сделал главное — он сбил их с ног, погасил инерцию рывка, замедлил движение и разорвал плотную атакующую толпу. Именно этого тактического преимущества мы и добивались.

И тут же в образовавшуюся гушу оглушенных подранков с яростным ревом ворвались наши «танки». Так эти парни сами себя окрестили, позаимствовав термин из компьютерных игр: закованные в самодельную броню, даже и с кастрюлями на голове, но отчаянные бойцы, которые принимают на себя основной удар в ближнем бою, чтобы остальные могли безопасно выкашивать противника с дистанции. Вот это они.

А я, как было сказано, боец-универсал. Пусть так. Если людям для психики нужно ассоциировать себя с компьютерными играми... Главное не потерять окончательно связь с реальностью.

Я перехватил поудобнее рукоять своей сабли и тоже шагнул навстречу молчунам. Борец с тяжелым выдохом лупанул своей грозной дубиной, густо усаженной длинными гвоздями, с тошнотворным хрустом врубаясь прямо в голову одной из тварей. Минус один.

Чуть было не зацепив меня широким замахом своего меча, Димитрий рубанул соседнего нелюдя, одним ударом отсекая ему вытянутую руку и отбрасывая её в сторону из гущи сражения. Тварь даже не замедлилась. Тут уже подскочил я, вкладывая всю массу тела в рубящий удар сверху вниз. Черепная коробка молчуна с сухим треском лопнула, лезвие сабли вошло не слишком глубоко, но задело мозг. Для них этого более чем достаточно. Тварь мешком рухнула под ноги. Ещё одного нет.

— Вжик-вжик! — два арбалетных болта с хищным свистом устремились прямо в грудь очередного молчуна, который только-только сделал несколько быстрых шагов и уже подобрался, собираясь броситься на нас в смертоносном прыжке.

Да, теперь мы активно применяли и арбалеты. Причём один из них был словно заводской, как будто «Тульского арбалетного завода», совершенно не кустарного вида — серьезный агрегат, добытый из арсенала некоего Рыцаря. А вот второй наши гаражные умельцы изготовили самостоятельно из автомобильных рессор. И это бесшумное, убойное оружие оправдало себя на все сто процентов. Да, вытачивание тяжелых болтов занимало уйму времени, но нам чертовски повезло с Володей — почти всю эту монотонную рутинную работу он добровольно взял на себя.

Володя — это один из семерых мужиков, которые вместе со своими семьями недавнополнили нашу общину. К сожалению, профессиональных военных, или охотников, среди

них не оказалось. Если, конечно, не считать одного крепкого паренька, который до всей этой катастрофы серьезно занимался спортивным ориентированием и пожарно-прикладным спортом, а вдобавок ещё и недурно стрелял.

Этот парень, несмотря на истеричные вопли мамыши, продолжавшей кудахтать над своей кровиночкой — хотя «сыночку» уже перевалило за восемнадцать, — решительно записался бойцом в мой второй десяток. Правда, полноценных десятков по численности у нас пока не набиралось, но я решил внедрить это армейское название на вырост, для порядка. Мы знали, где ещё в забаррикадированных домах прячутся выжившие люди. Но перво-наперво мы были обязаны вытащить тех, кому это уже было твердо обещано.

Молчуны на улице вдруг как-то резко закончились. Я только нацелился рубануть саблей последнего устоявшего на ногах врага, как ему сбоку прилетело дубиной от Борца. Тварь рухнула навзничь. Хотелось, конечно, крикнуть: «Эй, это был мой!», но впасть в глупое ребячество я не собирался. Всё вышло тактически безупречно: Борец ударил сбоку, с мертвой зоны, а я идеально отвлек всё внимание этого нелюдя на себя.

— Ну что, долго ещё там?! — хрипло выкрикнул я, стирая пот со лба и обращаясь ко второму десятку, который в этот момент лихорадочно занимался эвакуацией людей из высотки.

Нашим умельцам удалось на славу сплести снаряжение: они намертво стянули две толстые несущие веревки, между которыми плотными узлами ввязали поперечные куски, образующие надежные ступеньки.

И вот такая длинная веревочная лестница сейчас змеилась по кирпичной стене, сброшенная из окна пятого этажа. А первоначально мы смогли забросить спасательную линию туда при помощи всё того же мощного арбалета. Меткая стрела доставила напуганным, запертым в своей квартире людям тонкий шнур. За него они вытянули наверх крепкую веревку, а уже к ней мы привязали нашу тяжелую штурмовую лестницу.

Эта операция была у нас уже отработана до автоматизма. Обычное, казалось бы, дело — спасение заблокированных людей из соседнего дома. Мы смогли вытащить тех, кто в отчаянии кричал нам и с надеждой смотрел в окна. Затем провернули примерно такую же жесткую схему, как и до этого, когда с треском проломились через смежный балкон и с боем вошли в третий подъезд.

И всё это время, этаж за этажом, мы методично зачищали темные квартиры. Там, куда уже успели прорваться молчуны, никого в живых не оставалось. Повсюду были жуткие следы побоищ: выломанные двери, развороченная мебель, запекшаяся кровь на обоях. Это были такие чудовищные картины, о которых вспоминать просто не хочется, от которых стынет кровь. Но забывать их мы не имели права — именно эта жестокая реальность заставляла нас четко понимать, в каком безжалостном мире мы теперь живем.

Я стоял в оцеплении на улице, непрерывно сканируя взглядом руины двора. У других бойцов передового отряда были свои, жестко закрепленные сектора обстрела и контроля, от которых они не отворачивались ни на секунду, примечая каждый шорох.

Вдруг в тени между домами мелькнул силуэт — появился ещё один молчун, и...

Я с силой помотал головой, отгоняя наваждение. Складывалось пугающее впечатление, что эта тварь пришла на разведку: оценила нашу численность, замерла, а затем бесшумно растворилась во мраке. Но такого просто не могло быть! Да и физически видеть они не могли — их глазные яблоки были мертвы. Ну, допустим, он нас не увидел, а услышал. Но разве это кардинально меняло суть? Тварь отступила, а не бросилась в атаку!

— Быстрее! Ускоряемся! — глухо скомандовал я, резко вскинув сжатый кулак вверх.

Это был наш условный знак: максимальная готовность. Знак того, что передовому дозору пора прикрывать отход и открывать массивные железные двери второго подъезда нашего, уже очищенного от нелюдей дома.

По веревочной лестнице, едва цепляясь побелевшими пальцами, спускались двое детей — девчушка лет шести и худой пятнадцатилетний подросток. Они лезли сразу следом за отцом семейства, который страховал их снизу.

Дети были до смерти перепуганы, их трясло. Только что на их глазах произошло очередное кровавое столкновение старого мира, нашего, человеческого — и нового. Того безумного мира, который вроде бы состоял из тупых, не способных к самостоятельному выживанию тварей, а значит, по всем законам природы, должен был неминуемо вымереть...

И тут мой взгляд метнулся в сторону небольшого пролеска недалеко от разграбленного нами магазина. Там, на небольшом замусоренном пригорке, возвышалась крупная фигура. Самый что ни на есть молчун — здоровенная, мутировавшая тварь из тех, что сейчас бездумно рвут людей на куски. Но он стоял. И, склонив голову набок, *осмысленно* слушал нас.

По всем нашим правилам, ренее, по тем правилам которые были заложены в алгоритмы молчунов, он должен был сорваться с места, бежать, хрипеть, бездумно прыгать на шум, не соображая, что перед ним вооруженный отряд. А этот стоял, молчал и не двигался, изучая нас. Внутри меня всё оборвалось и заледенело.

Нет... это новый уровень опасности. Неужели произошел скачок? Неужели случилась какая-то чертова эволюция среди этих слепых, бездумных тварей, к поведению которых мы только-только начали привыкать, научившись крошить их пачками даже без огнестрела? И вот среди этого пушечного мяса появляется тот, кто явно способен думать...

— Быстро все уходим! — заорал я во весь голос, срывая маскировку. — Вадик, прикрывай!

Вадик — это тот самый крепкий парень, спортсмен, который до конца света серьезно занимался пожарным спортом, а еще и то ли пулевой стрельбой, то ли биатлоном. Может это многоборье. Из всех нас, не считая разве что меня, он виртуознее всего обращался с винтовкой и оптическим прицелом. Ему достаточно было доли секунды.

— Оставайся там! Ни с места! — рывкнул я грузной женщине, которая только-только перекинула ногу через подоконник и начала неуклюже спускаться на веревочную лестницу, причитая и кудахча на весь двор, как заполошная наседка.

Ждать её медленного спуска мы никак не могли. Счет пошел на секунды. Я всем нутром чувствовал, да я воочию видел этого жуткого нелюдя, внезапно обретшего холодный интеллект.

Боже, как же я хотел сейчас ошибаться, как надеялся, что мне это просто показалось! Но стальной лязг затвора за спиной подтвердил: Вадик тоже увидел новую угрозу.

Все выполнили мой приказ беспрекословно, без лишней суеты. За эти несколько адских дней я сумел не только жестко поставить себя как командир, но и завоевать непререкаемый авторитет. По крайней мере, с того самого момента, как к нам прорвались выжившие соседи, молчуны никого из наших людей не сожрали.

И это по праву вменяли мне в заслугу. Впрочем, чего уж тут скромничать — я действительно предельно осторожничал. Возможно, в каких-то острых моментах можно было действовать резче, наглее, но я берег людей, как величайшую ценность. Ведь и без того каждый день, несмотря на наши отчаянные попытки создавать отвлекающие шумы, один-два человека в общине обращались, навсегда превращаясь в молчунов.

Так продолжалось, пока прошлой ночью я строго-настрого не поставил всем жесткое условие: спать исключительно днем, а ночью — бодрствовать любой ценой. Как оказалось, если спать днем, шансов мутировать и превратиться в эту тварь было куда меньше. Я, конечно, и раньше пытался это приказывать, но ведь у людей свой устоявшийся ритм жизни, неискоренимые привычки.

Из-за этого мы глупо потеряли двоих. Сначала одну бабушку — женщину, которая умудрилась тайком пробраться в пустую чужую квартиру, напиться там найденным алкоголем и крепко уснуть. Так мы её и упустили. А потом лишились одного мужичка-толстяка. Тот тоже не

выдержал постоянного напряжения, нарушил приказ и задремал на посту. Начал превращаться прямо там, а меня, как назло, рядом не оказалось. Лиза ту ситуацию откровенно просрала, не отреагировав вовремя. Так что вот такие паршивые дела.

Мы организованно отступали, а я, прикрывая отход, то и дело останавливался и вглядывался в того, кто только что бросил мне невидимый вызов. Безмолвно, не издав ни единого звука, но вызов был брошен предельно ясно.

Мутант пока стоял на месте, развернувшись к нам полубоком и хищно прислушиваясь. Всё-таки он был слеп, как и все эти твари, и хотя бы в этом заключался наш крошечный плюс. Но конкретно этот экземпляр, который, вне всяких сомнений, уже был наделён извращённым интеллектом, представлялся мне сейчас самым смертоносным противником. Хотя нет...

Пожалуй, самыми опасными в этом рухнувшем мире всё ещё оставались обычные люди. Те самые вооружённые конкуренты, за которыми мы настороженно следим, и которые, в свою очередь, устраивают слежку за нами. Они методично прощупывают ситуацию, готовясь к прямому вооружённому столкновению — вот они-то и есть главные, самые жестокие звери в нашем постапокалиптическом зверинце.

И тут этот уродец — сгорбленный, неестественно высокий, в изодранной грязной одежде, — внезапно сорвался с места.

Он набирал скорость с ужасающей стремительностью, словно ревущий гоночный мотоцикл. И он действительно издал рев! Но это был не бездумный звериный рык, а вибрирующий, пробирающий до костей призыв к остальным. Точно! Он их вожак, их предводитель!

Я как вкопанный замер посреди двора и вскинул к плечу тяжёлый автомат. Да, боекомплект у нас конечен. Более того — он тает с пугающей быстротой, хотя мы и стараемся экономить, тратя в каждой стычке не больше пяти-шести патронов на ствол. Но в эту секунду эмоции захлестнули меня с такой силой, я ощутил такой липкий, парализующий животный страх, что был готов высадить в него весь рожок до сухого щелчка. Только бы убить, разорвать этого нелюдя в клочья!

— Оставь его мне! — глухо пробурчал подоспевший сбоку полковник, скидывая свой дробовик. — Тебе еще жить и людей спасать

— Я отдал приказ отходить! — на пределе голосовых связок, срывая горло, рявкнул я. — Иди ты в жопу со своим героизмом. Нужна информация. Не мешай.

Да, кричал. Чего уж теперь было скрывать и вести себя тихо? Поздно. Этот альфа-самец, эта инфицированная тварь, обретшая разум, уже вела за собой из темноты целую ненасытную свору молчунов.

Полковник посмотрел на меня строгим, тяжёлым взглядом. В его глазах читалась нерешительность — старый вояка явно не привык отступать первым, — но он всё же сделал два-три неспешных, неохотных шага в сторону уже распахнутых металлических дверей подъезда.

Второй десяток, завершивший эвакуацию, вместе с перепуганными спасёнными жильцами уже укрылся внутри. У самой двери, не решаясь окликнуть меня и глядя прямо мне в спину, замерла Настя. Я физически чувствовал её пронзительный взгляд. За эти дни я поразительно тонко стал её чувствовать. Между нами бушевали такие запредельные эмоции, такая дикая страсть на грани жизни и смерти, что мы словно действительно сплывались в единое целое, научившись ощущать тревогу и напряжение друг друга на расстоянии.

Я прекрасно понимал, что и мне давно пора бы рвать когти. Но так же ясно осознавал и другое: грузного полковника эта стремительная тварь нагонит в два счета. Альфа со своей жуткой сворой нелюдей находился уже метрах в пятидесяти и молниеносно сокращал дистанцию.

Да я и сам собирался уходить! Вот только жизненно необходимо было гарантированно попасть в этого вожака. Нам нужно было кровь из носу понять, что это за эволюция такая. Нужно было узнать в лицо своих истинных, поумневших врагов, а главное — выяснить,

насколько сложно их теперь убивать. Я собирался это сделать прямо сейчас. А уже потом отступить.

Я резко вытянул руку в сторону приближающейся стаи. Открытая ладонь сжалась в кулак, остался выставлен лишь один указательный палец. Это был четкий целеуказательный жест для нашего снайпера. Я был почти на сто процентов уверен, что смысленный Вадик — парень, которому по паспорту всего восемнадцать, но в оптический прицел он смотрит на все двадцать пять, — мгновенно поймет, кого именно я приказываю снять.

— Бах! — хлестко разорвал воздух тяжелый винтовочный выстрел. Он ударил с углового балкона нашего дома, с той стороны, что ближе всего примыкала к соседней многоэтажке. Вадика и этого страшного альфа-самца разделяло метров двести пятьдесят, от силы триста. Идеальная дистанция. А враг, наделенный холодным интеллектом, пугал сейчас куда сильнее, чем сотня обычных бездумных тварей.

Тяжелая пуля с влажным шлепком вошла мутанту в плечо. Альфа, несшийся на нас на всех парах — ему оставалось секунд пять до решающего прыжка, — лишь слегка замялся. Споткнулся на долю секунды, но даже не упал.

— Тра-та-та! — я тут же вжал спусковой крючок, открывая плотный автоматный огонь и направляя рой свинца прямо в широкую грудь вожака молчунов.

Руку готов дать на отсечение — я попал ему прямо в центр грудной клетки! Да чем угодно поклясться готов: я четко видел, как дернулась пробитая ткань его куртки! Меня даже взяла какая-то детская, жгучая обида от того, что пули не свалили его замертво. И всё же кинетическая энергия удара сделала свое дело: мне удалось остановить тварь, заставить Альфу отшатнуться назад.

И тут же, словно по невидимой команде, вся его кровожадная свора как вкопанная замерла на месте. Десятки голов синхронно, жутко повернулись чуть боком, доворачивая к вожаку свои бледные уши, словно именно ими они и «видели» состояние своего предводителя. Стало кристально ясно: вся эта масса неминуемо и абсолютно подчиняется только одному ему — Альфе.

А тот судорожно передернул пробитыми плечами, будто стряхивая с себя пыль, и... посмотрел на меня. По крайней мере, мне так показалось. Его белесые глаза всё ещё оставались пустыми, он по-прежнему был незрячим, но он определенно *смотрел*, или... *нюхал* и оценивал.

— Сука, он же еще по запаху ориентируется, — сказал я сам себе.

Затем он так же медленно и осмысленно повернул изуродованную голову в ту сторону, откуда только что раздался снайперский выстрел.

Вадик, к слову, делал всё абсолютно правильно — он медлил со вторым выстрелом. Сделаю-ка я этого парня своим первым заместителем. Буду жестко натаскивать, потому как у него хватает холодного соображения и выдержки. Он понял, что нам нужно посмотреть на реакцию и поведение того уникального врага, которого мы доселе ещё ни разу не встречали.

Издав низкое, вибрирующее рычание — словно внутри его груди заводился сломанный мотоцикл, — Альфа спокойно, размеренно, как истинный хозяин положения, двинулся прочь. Мне даже на секунду показалось, что он откровенно издевается над нами: такой вальяжной, пугающе ровной походкой он уходил в спасительную тень.

Обычные молчуны, повинувшись слепому инстинкту хищников, поначалу прислушивались к нашему шуму. Было дело, пара-тройка тварей даже пробовала агрессивно дернуться в нашу сторону, ведомая вечным голодом. Но Альфа лишь глухо, гортанно рычал на них — и они тут же испуганно отпрядывали, покорно семеня следом за вожаком, словно выводок слепых уродливых утят за гусыней.

— Пипец... — только и смог выдохнуть я, вкладывая в это короткое слово всё то жуткое, неподдающееся осмыслению и пугающее до дрожи, что мы сейчас своими глазами увидели.

Я тоже медленно развернулся и, стараясь не выказывать внутреннего мандража, спокойно зашагал к распахнутым металлическим дверям подъезда. Да, операция ещё не закончена. Сейчас наружу вновь выйдет штурмовая группа, но теперь у нас другой приоритет: если в поле зрения снова появится этот Альфа — мы закончим с ним сразу, не считаясь с боекомплектком.

Ведь там, наверху, в заблокированной квартире осталась ещё одна женщина. Сейчас она, наверное, тихо рыдает от ужаса, думая, что мы бросили её на растерзание. Но она должна быть в нашей общине, мы своих не бросаем.

— Сами забирайте её! Но только сперва «трубу» возьмите! — жестко скомандовал я передовой группе.

Вскоре два усиленных десятка вновь выдвинулись спасать застрявшую в полном молчунув доме женщину. Но теперь штурмовую группу сопровождали сразу два ручных противотанковых гранатомета РПГ-7. Один из них уверенно сжимал наш молодой боец, внук Седого.

За эти страшные дни парень заметно возмужал, в его движениях больше не читалась былая растерянность. Сейчас он тяжело упирал гранатомет в плечо, готовый в любую секунду пустить кумулятивный заряд в гущу тварей. С другим РПГ шел полковник. Старый вояка оказался одним из тех немногих в нашей разношерстной компании, кто вообще имел практическое представление, с какой стороны подходить к этому мощному оружию.

Я же остался на прикрытии. Стоя в укрытии с модернизированной «Сайгой», оснащенной неплохой оптикой, я сканировал сектора, подспудно мечтая, чтобы мой злейший враг снова высунулся. Уж от взрыва гранаты, ляг она даже просто неподалеку, не спрятаться и не выжить никакому, даже самому эволюционировавшему чудовищу.

Эвакуация тем временем прошла успешно. Но всю дорогу меня не отпускало липкое чувство чужого взгляда. И в какой-то момент, скользнув оптикой по фасаду, я нашел его. Альфа торчал на одном из неостекленных балконов соседнего дома.

Он неестественно, под жутким углом выкрутил свою бугристую голову, свесившись с перил так далеко, что, казалось, должен был неминуемо рухнуть вниз. Но чудовище прочно держалось. Мелькнула дикая мысль: а может, он своим новым интеллектом приказал рядовым молчунам держать его за ноги сзади? От этой догадки стало не по себе. Впрочем, теперь я решил, что ничему в этом мире удивляться больше не буду.

Запланированный прием пищи прошел в абсолютной, гнетущей тишине. Мы всегда старались обедать строго по расписанию, ровно в 12:00, если только не случалось экстренных боевых ситуаций — благо, за последние часы Бог миловал.

На сегодняшний день люди, собравшиеся в нашей общине — это уже три десятка взрослых, не считая девятерых детей разного возраста: от совсем ещё крохотного, годовалого малыша до пятнадцатилетней девчонки. Все остальные, согласно моему жесткому распоряжению, переводились в статус взрослых бойцов и работников.

Это в сытное мирное время можно было позволить себе роскошь считать восемнадцатилетнего лба ребенком и сдувать с него пылинки. А сейчас у нас идет война на выживание. Война, которую не приведи Господь увидеть. Но Господь привел, и нам приходилось адаптироваться.

Настя сидела рядом и по-хозяйски, крепко и нежно держала меня за левую руку. Второй, свободной правой рукой я жадно уминал горячую гречневую кашу, к которой на тарелке щедро прилагались сразу четыре увесистые мясные котлеты. В некоторых уцелевших холодильниках, особенно в глубоких морозильных камерах, всё ещё сохранялось замороженное мясо, вполне пригодное в пищу.

Более того, обнаружив в квартирах солидные запасы соли — некоторые хозяйки очень основательно готовились к сезону засолки огурцов, — наши женщины наладили производство самодельной тушенки. Так мы методично спасали скоропортящиеся белковые запасы, выгребая их из множества обесточенных холодильников по всему нашему дому.

В какой-то момент, инспектируя наши запасы, я с удовлетворением понял: самодельной тушенки, плотно закатанной в пузатые трехлитровые банки, у нас скопилось куда больше, чем той заводской, которую мы с боем успели вынести из супермаркета в первые дни. Запасов было бы еще больше, но вот соседний магазин — второй крупный супермаркет, располагавшийся метрах в двухстах напротив нас, ближе к густому лесу, — подчистую выгребали наши конкуренты.

Мы словно негласно разделили сферы влияния и кормовую базу. Своеобразный вооруженный нейтралитет. Осторожно присматривались друг к другу, и, возможно, в скором времени последовал бы следующий раунд напряженных переговоров. На них я мог бы...

Нет, разумеется, не признать себя безвольным подчиненным этого Волка или кого-то еще из его от замороженной своры, но, по крайней мере, попытаться выстроить с ними хрупкие союзные отношения. Особенно это было актуально в свете последних событий: мы всё чаще слышали глухую автоматическую стрельбу вдалеке, за лесной полосой. Мы видели, как по разрушенному району на огромной скорости, нигде не притормаживая, носились чужие бронированные машины — это явно работала чья-то моторизованная разведка.

Выжившие люди стремительно сбивались в стаи, в банды, в жестко иерархичные общины. Началась своеобразная кровавая гонка вооружений и стратегий: кто сыграет умнее, кто окажется лучше подготовлен к затяжному противостоянию — тот и будет не только жить сам, но и железной рукой регламентировать жизнь других.

И да, я был внутренне готов эту новую жизнь регламентировать. Я собирался строить новую систему. Ибо я твердо считал, что только подобие государства, жесткий порядок способны переломить ход этого чудовищного апокалипсиса и создать на руинах что-то жизнеспособное. А вот та дикая анархия, которую я наблюдал вокруг — это прямой путь в никуда, в бесконечное кровопролитие, тотальную жестокость и окончательную потерю человеческого лица.

Я медленно прожевывал очередной кусок на удивление вкусной мясной котлеты. Лидия Ивановна, наша главная повариха, была, конечно, настоящей искусницей. Она умудрялась кашеварить из ограниченных запасов на три десятка ртов так, словно мы сидели в приличном ресторане, а не в осажденной нелюдьми крепости.

Но, прожевав пищу, я поднял глаза и внимательно посмотрел на собравшихся. Здесь, в импровизированной столовой, сейчас находилась вся наша община. За своими тактическими мыслями я даже не сразу заметил повисшую в воздухе тяжелую, звенящую тишину: никто больше не ел. Все, не отрываясь, смотрели только на меня, молча ожидая, когда я наконец пресыщусь, отодвину тарелку и произнесу то, что они все жаждали услышать. Главный, леденящий душу вопрос физически витал в спертom воздухе: *что это сегодня было на улице?*

Я быстро проглотил последний кусок. Намеренно не стал ничем запивать, хотя от волнения в горле пересохло и очень хотелось пить. Но сказать людям правду нужно было прямо сейчас, не оттягивая неизбежное.

— Да, они эволюционируют, — громко и четко произнес я, разбивая тишину. — Да, прямо у нас по соседству теперь бродит одна из таких умных тварей. И с этой секунды мы все должны исходить из того жуткого факта, что теперь мы сталкиваемся не с бездумным мясом, а с расчетливым противником. А значит, от нас требуется еще большая концентрация, бдительность и абсолютная сплоченность...

— А мы... мы справимся? — дрожащим голосом спросила та самая женщина, которую мы только что с боем вытащили из соседнего дома и привели в общину. Она куталась в чужую кофту и смотрела на меня испуганными, заплаканными глазами.

— А кто в это не верит, может прямо сейчас собирать вещи и идти к соседям, — я жестко рубанул ладонью воздух, махнув рукой в ту сторону, где примерно в двух километрах от нас укреплялся штаб наших конкурентов, противников, а возможно, и будущих врагов. — Как раз они очень любят рабство и покорных овец. Не поймите меня превратно: это не значит,

что системы жесткого принуждения нет у нас. Она теперь будет везде, по всему миру. Таковы новые правила игры. Но вот откровенного, бесправного рабства в этих стенах не будет никогда! И если кто-то вдруг хочет покинуть нашу общину — я никого силой не держу! Дверь открыта. Но принимайте решение и уходите прямо сейчас. А если остаетесь, то слушать и беспрекословно выполнять будете всё, что скажу я, и что прикажут вам старшие люди, назначенные мной лично.

Я говорил намеренно грозно, сухо, не оставляя места для сантиментов и не жалея людей. Да и нечего их сейчас жалеть. Время пришло такое — страшное, безжалостное, не до пустой жалости. Наступило время убивать ради того, чтобы жить, а порой — и жить только ради того, чтобы убивать.

Глава 2

Ночь для нас теперь — словно бы раннее, звенящее утро. Хотя и настоящее утро по-прежнему остаётся сурово рабочим. В этих новых, вывернутых наизнанку реалиях самое главное — научиться не спать в темноте, не клевать носом на посту, но при этом чувствовать себя не выжатыми лимонами, а выспавшимися и даже бодрыми духом.

Надо признать, последнюю привычку прививать людям было мучительно сложно. Человеческая природа сопротивлялась. Да и сейчас что удивительно (и, возможно, в этом кроется определённая заслуга природной гибкости детского ума и не заострённой психики), но именно дети и, в некоторой степени, подростки стали теми, кто уже на третий-четвёртый день начал находить что-то хорошее во всём этом мрачном происходящем. Хотя, казалось бы, объективно хорошего тут ничтожно мало.

Но факт остаётся фактом: шумные, живые, подвижные игры с беготней по этажам достаточно быстро и безвозвратно пришли на смену глухому, неподвижному залипанию в экраны мертвого ныне пластика. Прошло не так много времени, да всего ничего, но мы учим и воспитываем детей, чтобы они, выйдя из убежища, не были дичью, но только хищниками. Но правильными зверьми, которые грызть за справедливость будут. Я надеюсь, иначе все смыслы теряются.

Мне-то, человеку, у которого двадцать шесть лет были безжалостно вычеркнуты, выброшены из жизни, искренне не понять того облегчения, с которым даже иногда и взрослые радуются этим переменам. Неужели в том, прошлом мире, настолько серьёзной была проблема? Неужели дети до такой степени не хотели заниматься нормальными развивающими играми, бегать, сбивать колени, а сидели сутками, сгорбившись, только в телефонах, играя в них часами напролёт, словно в какую-то портативную компьютерную приставку?

А вот со взрослыми оказалось куда как сложнее. Намного. Матери и отцы с пеной у рта отказывались признавать новую, жестокую реальность, отказывались понимать, что их шестнадцатилетние, вчера ещё домашние дети, начинают настоящую, суровую взрослую жизнь прямо здесь и сейчас. И если они не станут самостоятельными, не выйдут из-под опеки, то сгинут быстрее при старом подходе к воспитанию.

И наша выживающая община чисто физически не может выдавать какие-либо социальные гарантии, пособия или поблажки по возрасту. Правило одно: работать нужно всем. До кровавых мозолей.

А ведь многие, да что там — подавляющее большинство из тех, кто попадал под крыло моей общины, умели в моём сугубо практическом понимании разве что только бумажки в офисах перебирать да по клавиатуре стучать.

Больше половины этих холеных мужиков оказались совершенно не приспособлены даже к тому, чтобы элементарно заменить протекшую прокладку в кране или ржавый гвоздь в стену забить, не отбив себе пальцы. Вот только существующий нынче мир диктует свои, волчьи законы: он предполагает, что либо ты сцепишь зубы и научишься всё это делать, работая руками, либо ты станешь абсолютно ненужным — ни общине, ни кому бы то ни было вообще. Балласт здесь не выживает.

Те, которые ещё вчера успешно зарабатывали легкие деньги неведомым мне образом, наверное, что-то выгодно покупали или продавали в своих офисах, те, кто раньше имел если не всё, то очень многое — и дорогие машины, и внешний достаток, и отпуска на зарубежных курортах проводил... А теперь, когда мир рухнул, внезапно оказывается, что все они куда как менее полезны и ценны, чем тот же плотник Владимир.

Мужик, который до всего этого кошмара закончил всего лишь какой-то скромный колледж народных промыслов. Но он был плотником от бога. Когда смотришь на его работу,

кажется, что в его мозолистых руках кусок мертвого дерева под одним лишь взглядом мастера способен сам преобразиться в нужную Владимиру форму. Хотя, конечно же, это только визуальное впечатление. Всё дело в тяжелом труде и в исключительном, природном таланте, который сейчас ценился дороже золота.

Я толкнул тяжелую дверь и зашёл в просторную, гулкую квартиру. Здесь поработали ещё до конца света, и сделали это незаконно, потому как никакие государственные структуры в здравом уме не позволили бы сносить капитальную несущую стену.

Но бывшие хозяева плевали на правила: в стандартной трёхкомнатной квартире они снесли перекрытия, оставив две отдельные комнаты и соединив остальное пространство в огромную, светлую студию — по крайней мере, так это модное слово произносила Настя, объединив спальню, зал и кухню в единый полигон. Эту просторную квартиру, удачно расположенную на безопасном шестом этаже второго подъезда, мы единогласным решением оставили под школу.

— Ну же, дети, встаньте. Поздоровайтесь с главой, — раздался строгий, поставленный голос, лязгнувший металлом.

Этот тон настоящей, классической учительницы был настолько привычным, что я словно бы с головой, до мурашек по спине, окунулся в то самое далекое школьное детство. Говорила Татьяна Ивановна. Она стояла у импровизированной доски, прямая как палка. Хотя такая, пухлая палка, в некоторых местах очень даже с выдающимися сучками.

В прошлой жизни она была учителем физики и математики, а перед самым апокалипсисом, как я успел узнать из обеденных бесед, исполняла обязанности строгого завуча по учебной работе в одной из ближайших, теперь уже мертвых, школ. Смотря на её жесткую осанку и собранность, я даже думать не стал о других вариантах — ничего другого, кроме как приказать ей оставаться в своей профессии, мне и в голову не пришло.

Я обвел тяжелым, изучающим взглядом разновозрастную стайку. Четырнадцать человек — от уже угловатых, насупленных подростков до откровенных, жмущихся друг к другу малышей — сидели на разномастных стульях и диванных подушках. Своего рода бессменной нянечкой и одновременно воспитателем при них неотлучно находилась Лидия Ивановна.

Та самая несчастная, сгорбленная горем женщина, чьего родного внука мне пришлось когда-то хладнокровно застрелить. Это страшное событие, как оказалось позже (или же у нас просто пока не хватало для этого кровавой статистики), было скорее жутким исключением: дети превращались в безмозглых Молчунов в разы реже, чем взрослые. Слово эта зараза брезговала или щадила не до конца сформировавшийся разум.

— Что проходите? — спросил я, стараясь смягчить командный тон.

Сейчас предельно собранная, хотя ещё совсем недавно, в первые дни ада, она лила слезы так, что хоть ведро подставляй, Татьяна Ивановна посмотрела на меня. В её глазах читался стальной, непреклонный взгляд классической учительницы, которая ни за что не потерпит, чтобы в её святую епархию кто-либо бесцеремонно влезал со своими уставами.

— Александр, пока мы только приноравливаемся к условиям, — сухо и по-деловому отчеканила она, машинально поправив волосы. — Программу я ещё до конца не выработала. Но, если вы не против, мы бы детально обсудили это с вами потом. Дети здесь совершенно разных возрастов и уровней. Очевидно, что нам нужно в значительно меньшей степени придерживаться той классической программы, что была утверждена ещё до произошедшего кошмара. Хотела просить вас, чтобы иногда вы вели уроки, или товарищи Седой, да хоть бы и Димитрий.

На упоминании нашего Рыцаря дети оживились. Нравился он им, такой непосредственный, если не сказать, что не от мира сего. Хотя я не могу пока понять, кто этот человек, который от сего мира. И есть ли вообще место человеку в нем. Хотя... мы сами добываем это место.

— Да, полагаю, завтра утром я смогу уделить вам должное время, и мы обстоятельно обсудим вектор обучения, — кивнул я, принимая её правила.

Сказав это, я ободряюще улыбнулся притихшим ребятишкам, развернулся и тихо вышел из квартиры, плотно притворив за собой дверь, чтобы не разрушать хрупкую атмосферу нормальности.

Идя по темному коридору, я размышлял. Я свято считал, что, что бы ни произошло в этом рухнувшем мире, на какую бы грань первобытного выживания ни было бы поставлено человечество, но образование оставалось жизненно необходимым.

Да, оно обязано стать другим. Да, тот самый предмет, который в сытой школе наверняка многими откровенно игнорировался — ОБЖ, основы безопасной жизнедеятельности, — в нынешних кровавых реалиях заиграл совершенно иными, пугающими красками и теперь обязан стать главным, профильным предметом. Но нельзя забывать и о фундаментальном: о математике, о законах физики. Даже информатику полностью исключать нельзя.

Пусть сейчас приходится расплачиваться драгоценным, на вес золота, топливом, питая ревущие генераторы, просто чтобы хоть изредка работали уцелевшие компьютеры. Но если мы сможем найти в этой выжившей группе людей тех, кто будет способен собрать и запустить пусть небольшую, кустарную, но всё-таки настоящую электростанцию... Пусть она запитает не целый микрорайон, а всего несколько домов, — вот тогда знания даже по информатике пригодятся как воздух.

Может быть, не прямо сейчас. Может, даже и не с этим изломанным поколением нам понадобятся программисты, но через одно поколение, через два... Чертовски сложно будет пронести сквозь мрак те знания, которые не имеют сиюминутного прикладного назначения прямо сейчас, когда нужно просто выжить.

Но это — наша миссия. Наша стратегическая задача. А ещё это станет колоссальным преимуществом в будущем, когда деградировавший мир окончательно забудет о компьютерах, станет панически бояться их. Или когда вовсе найдутся такие одичавшие общины, где к мерцающему экрану станут относиться как к проявлению чего-то божественного и магического.

Первостепенная задача нынешнего поколения — тех немногих выживших, которых, по моим мрачным подсчётам, осталось не более чем десять процентов, — состоит именно в том, чтобы сохранить как можно больше интеллектуальных достижений человечества. От этого напрямую зависит, на каком фундаменте будет строиться новое человеческое общество.

Скатится ли оно в суровый, жестокий рабовладельческий строй, или это будет не менее суровый, но всё же феодальный порядок — это уже огромная историческая разница. Мы можем перепрыгнуть сотни лет кровавой эволюции только на том, если прямо сейчас сэкономим знания и самих носителей тех достижений человечества, что были накоплены ранее.

Я шагнул в прохладу лестничной площадки, выныривая из мыслей. Ночь уже плотно сгустилась, небо было наглухо затянуто свинцовыми тучами, оттого казалось, что на улице царит абсолютно кромешная, физически осязаемая тьма, в которой не видно ни зги. Когда в мертвом мегаполисе не работает ни один фонарь, а витрины больше не излучают привычный яркий неоновый свет, бетонные джунгли мгновенно погружаются в густую, непролазную темень, таящую угрозу в каждой тени.

И если на улица такая тьма, то какая она на лестницах? А никакая! Чадили лампы, а кое где и откровенные факелы. В трех квартирах был свет от генераторов, но топливо мы сэкономили.

— Саша! – ко мне подошла Настя.

Она поцеловала и просто прижалась, положив голову мне на грудь. И вот так мы стояли минут пять, ничего не говоря, но при этом все, что нужно сказав друг другу. Так что я ничего не говоря, оставил Настю стоять там же, а сам отправился готовиться к выходу. Возможно, что к самому сложному из всех предыдущих.

***

— Командир. Мы готовы, — глухим, напряженным шепотом, прорезавшим мрак, сообщил мне Седой, перехватывая оружие.

Стоящий рядом с ним Вадик тут же решительно и коротко кивнул головой. Но даже в этой густой тени было отчетливо видно, как неестественно напряжены плечи парня и как сильно он волнуется перед шагом во тьму.

Да, нам кровь из носа нужно было идти на вылазку. Нельзя просто сидеть, запершись в бетонной коробке, и пассивно ждать, когда твои конкуренты сами придут по твою душу. Это верное самоубийство. Я ни на секунду не сомневался, что жестокий Волк и его отмороженные поделщики уже замышляют против нас недоброе.

Совершенно очевидно, что мы торчали у них как бельмо на глазу — ровно в той же степени, как и они у нас. И тут ситуация складывалась в точности как в том старом фильме про горца, Дункана Маклауда, который я любил пересматривать ещё до своих бесконечных зарубежных командировок... В живых должен остаться только один.

Это стало новой, жестокой и непреложной истиной. Сейчас, когда мучительно, с кровью идет процесс формирования новых общин, когда перепуганные люди, слепо следуя первобытным инстинктам толпы, сбиваются в безжалостные банды (зачастую даже не осознавая, во что они превращаются), главное — сделать так, чтобы тебя не сожрали. Чтобы твою группу не поглотила эта хищная масса.

Конечно, если бы я точно знал, что где-то неподалеку сохранилась организованная государственная структура. С дисциплинированными боевыми группами, возможно, даже с тяжелой военной техникой, броней и по-настоящему грамотным командованием, то я бы особо не раздумывал. Сразу бы влился со своими людьми в состав такого уцелевшего осколка государства.

Но суровая реальность такова, что пока на горизонте маячил только враг. То, что творил Волк и его прихвостни — пусть мы пока и имели крайне скудное, обрывочное представление о кошмарах, творящихся в их стане, — не поддавалось абсолютно никакому человеческому оправданию. Это была бешеная собака, которую нужно пристрелить.

— Все попрыгали! — глухо, вполголоса скомандовал я.

Бойцы на месте совершили несколько тяжелых прыжков. Ни у кого ничего не предательски не звякнуло и не брякнуло. Экипировка была подогнана на совесть, хотя в тактических разгрузках было напихано немало: запасные магазины с холодным свинцом, гранаты, туго скрученные жгуты медицины, ножи и тактические фонарики.

— Полковник, ты остаешься за главного, — я в упор посмотрел на ветерана. — Если что пойдет не так — береги людей. Головой за них отвечаешь. Если мы до рассвета не вернемся, то на худой конец я бы предложил тебе уводить всех отсюда. Думаю, на уцелевших машинах вы бы смогли с боем пробиться в стоящий неподалёку дачный посёлок. Там попробовали бы закрепиться, забаррикадироваться. Здесь вам Волк жизни не даст, если нас не станет. Задушит.

— Ты это, парень... давай без похоронок. Возвращайся, — Полковник исподлобья сверкнул глазами, его голос лязгнул металлом. — Не дурите там. Помните, что вы тоже ответственны за этих людей. И не хрен переключать на мои плечи все обязанности, командир.

Я только коротко, скупно кивнул ему. Иначе этот разговор мог бы легко превратиться в долгую, изнурительную и совершенно ненужную сейчас дискуссию. А я и сам, признаться честно, не был настолько предельно хладнокровным, как пытался казаться. Просто изо всех сил старался держать эту непроницаемую маску, чтобы вселять железобетонную уверенность в других членов нашей группы.

Впрочем, сегодня мы шли скорее не как диверсионная группа, а как разведывательная. Прямо сейчас, этой ночью, устраивать полномасштабную бойню я не был настроен. И дело даже не в настрое. Древнее правило гласит: для того чтобы побеждать врага, нужно сначала досконально изучить его.

Так что мы уходили во тьму за информацией. А может и не только за ней, это как сложится.

Спустя пару минут мы бесшумно, стараясь не скрипеть несмазанными петлями, отворили массивную железную дверь второго подъезда и скользнули наружу. Огляделись, вжимаясь спинами в холодный бетон. Как же сейчас отчаянно не хватало хороших приборов ночного видения! С зеленым фосфором оптики было бы куда как информативнее считывать всё то, что именно скрывается в непроглядной черноте дворов.

В какой-то степени усилившийся, пронизывающий ветер и мелкий, холодный, неприятно морозящий дождь играли нам на руку. Я был практически уверен, что твари-молчуны реагируют прежде всего на громкие, резкие звуки. А если так, то в такую погоду нам будет гораздо проще затеряться. Нужно было лишь стараться скользить тише, чем завывающий в подворотнях ветер, который сейчас неистово трепал густую листву на многочисленных деревьях и в разросшихся кустах. Иронично: эти посадки, призванные когда-то просто радовать человеческий глаз и озеленять унылое царство бетона и асфальта, сейчас выступали нашими самыми надежными союзниками.

Я замер. До боли в глазах напряг зрение, вглядываясь в колышущиеся тени, и одновременно превратился в сплошной слух...

В груди резко похолодело. Я тут же вскинул сжатый кулак вверх, подавая группе жест: предельное внимание. Стоп. Кажется, прямо по курсу нас ждали серьезные неприятности.

Два тускло тлеющих, желтоватых уголька глаз смотрели прямо на меня из непроглядного мрака кустов. Я замер, инстинктивно вдавив приклад в плечо, и по спине пробежал неприятный холодок — я даже не сразу понял, кто именно это был... А когда осознал, мысленно усмехнулся.

«Ну привет, старый знакомец», — мрачно поприветствовал я волка.

Да, того самого матерого волка-одиночку, которого я встретил в самые первые, хаотичные минуты своего необъяснимого появления в этом времени. А может быть, даже и в этой искаженной реальности, потому как всё происходящее вокруг по-прежнему казалось сюрреалистичным кошмаром, сотканным из обрывков чужого, поломанного мира.

Мы молча смотрели друг на друга сквозь пелену морозящего дождя. Возможно, это моя изрядно воспаленная фантазия играла со мной злую шутку, но в тот миг мне кристально ясно казалось, будто бы этот дикий зверь хотел что-то сказать мне.

Что-то невероятно важное для него, а может быть, и для меня. Для всех нас, выживших. В какой-то короткий, безумный миг слабости я даже всерьез подумал о том: а не предлагает ли он мне — считая, что я, как вожак стаи, этого достоин — некое первобытное перемирие? Мне, в моём уставшем лице — и всему остатку ожесточившегося человечества.

Но я тут же мотнул головой, отгоняя наваждение. Всё же хронический, въевшийся в кости недосып сказывался на психике, подкидывая опасные иллюзии.

А между тем огромный волк, не издав ни единого звука, плавно попятился на шаг, затем на второй. Развернулся всем своим мощным, мускулистым корпусом и неспешно ушёл чуть в сторону. Но при этом он не стал трусливо убегать в чащу. Он растворился в тенях, двигаясь параллельным курсом, словно бы собирался нас сопровождать. Безмолвный, пугающий конвой из темноты.

Мелькнула мысль: интересно, а как бы наш Рокки повёл себя, лоб в лоб встретив такого лесного «собрата»? Но проверить это было невозможно. Наш верный боевой пёсик в последнем жестокое столкновении получил очередную тяжелую травму и теперь, тихо поскуливая, отлеживался на базе, зализывая рваные раны.

Да и, откровенно говоря, брать его на ночную разведку я бы всё равно поостерегся. И это несмотря на то, что Настя с пеной у рта утверждала, будто её пёс настолько идеально воспитан

и феноменально выдрессирован, что скорее кто-либо из наших, из людей, случайно хрустнет веткой или произнесёт хоть звук, а Рокки, если надо, превратится в немую тень.

Но суровая правда разведки такова: если бы Рокки умел ещё и фотографически запоминать, примечать детали и анализировать тактическую обстановку, цены бы ему не было, и я бы взял его. А так... От его хваленного молчания мне в тылу врага ни холодно ни жарко. К тому же, мы категорически не собирались сегодня вступать в открытые боевые столкновения. В режиме скрытности такой непредсказуемый животный фактор, как собака, мог бы только фатально навредить нам, сорвав всю операцию и выдав группу.

Медленно, предельно компактной группой, контролируя сектора обстрела, мы в составе пяти человек продвигались сквозь мокрую листву в сторону логова наших отмороженных конкурентов. Безусловно, как тактик, я бы сто раз предпочёл идти на разведку днём.

Как минимум ради того, чтобы досконально, во всех деталях увидеть периметр, укрепления и пути отхода. Нормальных приборов ночного видения у нас в арсенале не было. Ориентироваться в этой чернильной мгле лишь на приглушенные звуки да размытые силуэты строений — это, конечно, возможно, но никакой полноты картины происходящего в стане потенциального врага так не получишь. Это работа вслепую.

Но днём высовываться было сродни самоубийству. Эти технологичные паразиты плотно нас отслеживали. Почти каждое наше неосторожное движение за периметром базы неизменно сопровождалось мерзким, зудящим полетом беспилотника. Более того, чтобы я окончательно всё понял, позавчера этот самый пластиковый стервятник, зависнув на недостижимой высоте, сбросил прямо в нескольких метрах от меня тяжелую банку с тушёшкой. Она грохнулась об асфальт с таким глухим стуком, что я едва не поседел.

Я, человек из другой эпохи, даже не знал, что такое вообще технически возможно. В моём времени беспилотники, мягко сказать, не были так обыденно распространены — это было что-то из области научной фантастики или закрытых военных разработок. А тут мне доходчиво, без лишних слов подсказали, на что именно жирно намекают.

Этот издевательский сброс банки тушёнки вовсе не был актом гуманитарной помощи от подобревших конкурентов, которые вдруг захотели бы замирииться. Это была холодная, расчетливая демонстрация абсолютного превосходства. Демонстрация того страшного факта, что в любой удобный им момент меня могут просто стереть в порошок с безопасного расстояния. Ведь банка с тушёшкой в сбросном устройстве коптера легко и непринужденно заменялась на осколочный заряд.

Господи, как же я до зубовного скрежета хотел иметь такие технологичные игрушки у себя в отряде! Но, увы. И даже элитная спецгруппа КГБ выезжала на своё последнее задание, не имея в активе ни одного вшивого беспилотника. Хотя Лиза и проговорила как-то раз, что вообще-то такие "глаза в небе" у них в ведомстве числились и активно применялись.

Микрорайон предстал перед нами жуткой картиной ночного кошмара. Рухнувший самолет срезал один из десятиэтажных домов словно исполинской бритвой, смяв бетонные панели почти до второго этажа. Под искореженными завалами из арматуры и плит теперь уже ничего было не разобрать.

В соседних многоэтажках ударная волна подчистую выбила стёкла. Как мы ни вглядывались в эти мертвые, черные фасады, уловить признаки жизни удалось лишь в двух окнах: там робко мерцало тусклое пламя свечей.

Люди жгли их вполне осознанно, хоть и таились. Хотя интуиция подсказывала: выживших там должно быть гораздо больше. Наверняка кто-то прямо сейчас напряженно следит за обстановкой. Окажись я заблокированным в квартире, когда на лестничных пролётах безмолвными истуканами застыли молчуны, я бы тоже сперва исследовал двор сквозь щели штор.

И что эти запертые люди могли увидеть на улицах своего микрорайона? Как вооруженные ублюдки силком куда-то увозят их соседей. Я не обольщался мыслью, что волковцы ведут

себя деликатно. Эти люди почувствовали свою безнаказанную власть. Если раньше звериные инстинкты маргиналов приходилось подавлять из-за страха перед сильным государством, способным жестко наказать за любое серьезное преступление, то сейчас — кто их остановит?

Я до дрожи в кулаках хотел бы добиться такого, чтобы лично иметь право и силу наказывать за этот беспредел. Но пока что по всем тактическим параметрам мы критически уступали конкурентам. И самое главное — в живой силе.

Вскоре наша группа свернула в лес. Молчуны попадались, но, к счастью, только издали. Во мраке они застывали между стволами словно жуткие скульптурные композиции бездарного творца. При нашем приближении они начинали дергано водить головами, подставляя ветру уши в тщетной попытке вычленив из шума непогоды звуки живых людей. Но, слава Богу, для нас всё обошлось.

Пока... впереди ждали настоящие испытания.

Глава 3

Идти по лесу оказалось сложно. Ветер посрывает много сухих веток, и пробираться сквозь этот бурелом, не издавая звуков, выделяющихся из общего монотонного фона, было мучительно тяжело. Да и рассмотреть в темноте, нет ли поблизости молчунов, было почти нереально.

Вдруг под тяжелым ботинком Борца громко хрустнула толстая ветка. Я мгновенно вскинул сжатый кулак вверх, сигнализируя всем стоять. Вся группа напряженно прислушалась. Лишних приказов отдавать не пришлось: каждый понимал, что если рядом затаился враг, он мгновенно отреагирует на этот звук.

Молчуны не станут стесняться в лесу, они вовсе не стеснительные, — ломанутся напролом, хрустя палками так, что мы успеем их услышать и приготовиться к бою. Я ожег Борца свирепым взглядом, без слов обещавшим ему все кары небесные. Здоровяк лишь виновато пожал плечами. Тишина. Группа пошла дальше.

Забирая по широкой дуге, мы скрытно обходили через лес место дислокации конкурентов. Волковцы заняли часть элитного коттеджного посёлка, который по периметру бережно обнимал микрорайон. Они окопались на самом углу, с выходом на живописный канал с утками и густой лес. В этом роскошном месте, недалеко от остановки и цивилизации, возвышались самые массивные и богатые дома.

«Губа не дура здесь пожить», — мрачно подумал я.

Даже не знаю, как это выглядело в плане безопасности. Мне всегда казалось, что высотный дом был надежнее. Но если предварительно жестко зачистить микрорайон от молчунов или иметь подавляющее преимущество в огневой мощи и людях, то, наверное, Волк не такой уж и дурак, раз выбрал именно эти участки для своей базы.

Вскоре я жестом показал группе пример, как именно нужно двигаться дальше — бесшумной, стелющейся по земле тенью. Мы подоברались уже совсем близко, и массивные силуэты зданий отчетливо угадывались бы даже в крошечной, чернильной тьме. Но периметр вражеской базы безжалостно резали несколько мощных фонарей. Если не сказать больше — настоящих прожекторов, чьи слепящие белые лучи прошивали завесу моросящего дождя и били прямо в сторону кромки леса, выхватывая из мрака мокрые стволы деревьев.

Упав на влажную землю, мы по-пластунски подползли к краю глубокого оврага. Отсюда, надежно укрытые нашей самодельной маскировкой — наброшенной поверх курток темной тканью, густо утыканной хвойными лапами и листовыми веточками, — можно было безопасно наблюдать из первозданной темноты за тем, что творится в логове врага. Мы слились с подлеском, став частью этого сырого леса.

Сейчас не было нужды шепотом распределять сектора обстрела и наблюдения. Еще там, на нашей базе, мы жестко условились о ролях. Вадик, например, вообще не отрывал глаза от окуляра своего снайперского прицела. Его задача — сканировать периметр, выявлять немедленную опасность, но ни при каких обстоятельствах не стрелять первым, а лишь подать мне условный сигнал. Я лежал плечом к плечу с ним на мокрой хвое и до рези в глазах пытался рассмотреть детали происходящего через линзы армейского бинокля.

Я показал жестом, что собираюсь залезть выше. Забор из белого кирпича в полтора человеческого роста не давал обзора.

Впрочем, в остальном, рассмотреть базу труда не составило. Территория сразу трех здоренных, примыкающих друг к другу элитных коттеджей была щедро залита электрическим светом. Вот теперь мне стало кристально ясно, зачем эти ублюдки сунулись на заправку раньше нас. Топливо для генераторов у них есть. А ведь мы собирались посетить это стратегически

важное ресурсное место буквально на днях... Наши конкуренты нас опередили и нагло пригнали оттуда целый бензовоз.

Конечно, имея под рукой цистерну топлива и несколько мощных генераторов, теперь можно безнаказанно палить электричество, заливая светом огромный двор. Как по мне, это было идиотской, непростительной тратой драгоценных ресурсов. Вполне достаточно было бы развести несколько контролируемых костров в бочках, чтобы пространство более-менее освещалось. Но не мне же было подсказывать потенциальным врагам основы энергосбережения в постапокалипсисе. Пусть жгут.

— Твою мать... что они делают? — вдруг яростно прошипел Борец, оказавшийся слева от меня, на соседней ели.

До этого момента именно в нём, из всей нашей разведгруппы, я сомневался больше всего. Тот же Литёха, хоть в первое время и выдавал слишком много ненужных эмоций, после жесткой воспитательной беседы стал словно бы своим, влился в механизм.

Димитрия тоже отпустило — хотя поначалу казалось, будто он находится под долгим воздействием каких-то мутных, запрещенных веществ (причём веществ, категорически запрещенных мной в нашем новом, хрупком мире). А вот здоровяк Борец всё это время казался чужеродным элементом. Словно он оставался с нами исключительно по холодной необходимости выжить, а не потому, что искренне принял мои принципы управления и саму идею существования нашей маленькой, но, как я отчаянно надеялся, жизнеспособной общины.

Но сейчас, краем глаза наблюдая за тем, как искренне он возмущен увиденным в бинокль, как хищно скрипят его зубы и как он тяжело, прерывисто сопит, я понял обратное.

Борец до того напрягся, что, казалось, был готов прямо сейчас в одиночку выскочить из нашего надежного укрытия и дать этим выродкам — уже не совсем людям, хоть и далеко не молчунам, — кровавый бой. В этот миг я осознал: он правильный парень. С внутренним стержнем. А значит, со временем будет с нами не только по сухой необходимости, но и по зову своего обостренного сердца.

На то, из-за чего так сильно и страшно злился Борец, я отчаянно не хотел смотреть. Внутренности сводило от холодной ярости, но взгляд то и дело магнитом притягивало к ярко освещенному центру вражеского двора.

Прямо посреди ухоженного газона одного из участков была стенка из дровен с набитыми на них толстыми досками. И словно бы на кресте, распятым, висел мужик. Абсолютно голый, истерзанный в мясо, покрытый густой сетью кровоточащих порезов и черных гематом. Он уже безвольно опустил голову на грудь, но его ребра всё ещё судорожно вздымались. Он ещё дышал.

— Зачем это? — сдавленным шепотом выдохнул Борец. — Уже гуманнее убить.

Его, видимо, настолько распирало от увиденного кошмара, что он напрочь забыл о дисциплине и нарушил мой прямой приказ соблюдать абсолютное молчание.

И, конечно же, вернувшись на базу, я влеплю ему жесточайший выговор по этому поводу. Пропесочу так, что мало не покажется, чтобы впредь неповадно было. Но прямо сейчас, лежа в мокрой грязи, я понимал одну простую истину: если рядом с тобой находится живой человек с не выжженной душой, то его первобытные человеческие эмоции в моменты такого шока могут оказаться гораздо сильнее любого армейского устава, чувства долга или командирского приказа.

Я ничего ему не ответил. Хотя сам прекрасно понимал, ради чего творится такое запретное зверство, да ещё и так демонстративно, напоказ. Волк и его приспешники планомерно и жестоко ломали людей. Вытравливали из них всё человеческое, превращая тех, кто в прошлом был личностью, в бесхребетную, покорную массу, способную лишь животным бояться и беспрекословно подчиняться. Наверняка этот несчастный на кресте имел неосторожность оказать сопротивление или вслух высказался против их садистских порядков...

Что же касается самого факта распятия — мы об этом уже догадывались, но сейчас я окончательно уверился: Волк надумал сколотить здесь какую-то свою, извращенную новую религию. Этот ублюдок был по-своему умен и расчетлив. Он понимал, что держать людей в рабском повиновении можно не только первобытным страхом, лишениями и постоянными угрозами. Куда надежнее — вдолбить в их сломленные умы нужные идеологические нарративы, сделать из них послушных фанатиков, безоговорочно верящих в божественную, сверхъестественную власть своих хозяев.

В том рухнувшем мире, который исчез не так уж и давно, реализовать подобное в таких масштабах было сложно. Хотя и тогда возникали жуткие секты, и люди, как ни странно, велись на эти околорелигиозные извращения. А уж здесь, на пепелище цивилизации, где царит отчаяние, подобных кровавых изуверств расцветет в сотни раз больше.

В этот момент, когда я думал о вызовах современности, на залитую прожекторами площадку вышли пятеро. Впереди по-хозяйски вышагивал он — тот самый Волк, с которым я когда-то вел напряженные переговоры. Его бойцы выволокли во двор молодую женщину. Абсолютно голую, истерзанную, грязную. Она неотрывно смотрела прямо перед собой мертвыми, стеклянными глазами, словно ослепла или потеряла рассудок, в точности как те безмозглые твари-молчуны в лесу.

Отсюда, из-за гудения генераторов и шума ветра, нам не было слышно ни слова. Несмотря на всю дикость происходящего, которая по логике должна была сопровождаться криками жертв и гоготом палачей, Волк, видимо, всё же соображал, что слишком сильно шуметь в ночи не стоит, чтобы не привлечь на огонек мутантов.

Улыбаясь во все свои белые зубы, главарь театральным, издевательским жестом указал на изувеченное тело висящего мужчины и грубо толкнул изломанную женщину прямо к истекающему кровью мученику. Она подползла, ее связали так, чтобы она была рядом с распятым мужчиной.

Во двор вывели еще мужиков и женщин. Они были одеты, даже не связанные. Из заставляли смотреть на тех двоих.

— Ты всё снимаешь? — еле слышно, одними губами спросил я у Димитрия.

— Да, командир, — сдавленно, сквозь плотно сжатые зубы прошипел он, не отрывая объектива камеры от освещенного двора. — Если мы прямо сейчас ничего не сделаем... Хоть ты меня потом лично расстреляй за нарушение приказа, но я встану в полный рост и приму смерть. Не тех... ох, не тех мы называем тварями.

Меня словно окатило ледяной водой. Я вдруг кристально ясно осознал: мы просто обязаны вмешаться. Война? Я всё это время подсознательно не хотел быть первым. Выжидал. Словно бы где-то там, за горизонтом, всё ещё существовала некая мифическая международная организация, которая осудит меня за агрессию. Словно бы на меня наложат санкции, и весь «цивилизованный мир» ополчится против моей группы. Я играл в шахматы, хотел политически грамотно вынудить противника к первым активным действиям, чтобы оправдать свой ответный удар.

Какая же это была самонадеянная, нелепая чушь. Старого мира больше нет. Законов нет. Есть только мы и эти нелюди.

— К бою! — жестко, стряхнув с себя последние сомнения, скомандовал я. — Обсудим план!

Решение отдать приказ о подготовке к бою далось мне непросто. Внутри всё скрутило тугим узлом. И руководствовался я не только тем, что своими глазами видел распятого мужика, над которым изощренно издевались и которого явно убьют за малейшие провинности. Я нутром чуял: он просто отказался надевать ошейник раба.

Но эмоции в сторону. Я прекрасно понимал, что большой войны нам всё равно не избежать. Да и мы намертво застопорились в своем развитии, забились в угол, потому как не можем

даже выехать на разведку и проверить ближайшие микрорайоны. Мы слепы. Одно дело — обычные «молчуны», но важным и пугающим фактором оставалась неясная пока «Альфа».

Но волковцы... Я кожей ощущал, что они за нами пристально следят, и любой наш выезд за периметр закончится тем, что мы поймаем лбами перекрестья оптических прицелов наших врагов.

— Вадик, ты прикрываешь. Заходим тихо, быстрыми перебежками, словно тени. Но обязательно оставляем чистый сектор стрельбы нашему снайперу, — я рубил фразы коротко, глядя в глаза бойцам. — Я перемахиваю через забор первым, мне тут же передаете гранатомет. Во дворе стоит пикап, на его турели установлен пулемет. И, судя по всему, он заряжен. За пулемет становится... Я и стану.

Я замолчал, обводя тяжелым взглядом внимательно слушающих меня людей. Смертельно опасное дело затеваем. Был, конечно, серьезный расчет на фактор неожиданности. Да и на то, что всё это отребье, высыпавшее во двор поглазеть на распятого пленника, пьяно практически в стельку. Но без крови не обойтись — разойтись миром нам уже не дадут.

— Если кто-то считает, что я не прав, или у кого-то дрожат поджилки — говорим прямо сейчас. Или больше об этом не упоминаем, чем бы ни закончился наш рейд, — прошипел я, взглядываясь в их черные, блестящие от пота и обмазанные грязью лица.

Молчат. Стоят, напряженные как сжатые пружины.

— Мы делаем всё быстро. Они не ждут нападения. Наносим максимальный урон и растворяемся. Взять боем сразу три укрепленных коттеджа мы сейчас не потянем физически. Но пустить им кровь и выбить зубы — обязаны, — жестко закончил я инструктаж.

Через пару минут мы уже скользили серыми тенями к высокому забору. Пока всё было тихо, только ветер шумел в кронах. Но тут...

— *Бах!* — хлесткий, сухой звук выстрела разорвал относительную тишину.

— *Бум!* — тяжелое тело рухнуло на асфальт метрах в шестидесях от нас.

Это был дозорный. Видимо, решил проверить, что происходит в темноте, или мы всё же двигались не настолько бесшумно, и он заинтересовался шорохом. Вышел на балкон с сигаретой — но Вадик, умница, сработал ювелирно и снял его одним выстрелом. Но выстрел прозвучал.

Понимая, что счет теперь пошел на доли секунды, я резко ускорился. С разбегу прыгнул на шершавый кирпичный забор, намертво цепляясь сбитыми руками за край. Тут же, на одном адреналине — в любое другое время такой трюк ни за что бы не вышел — подтянулся, перемахнул через гребень и тяжело рухнул вниз. Следом на заборе с глухим кряхтением оказался полковник, которого буквально вышвырнули наверх другие бойцы. Он перебросил мне мой автомат и тут же, не глядя, сунул в руки ребристую трубу гранатомета. Делая несколько пружинящих шагов вперед, я лихорадочно брал двор на прицел.

Играл шансон. Не громко, но достаточно слышно во дворе. Вообще уже ничего не бояться, гады!

Волк и его приспешники, услышав шум, начали муравьями высыпать на улицу. Рабы, те люди, которые в них превратились, ведомые инстинктом, порскнули в стороны, попрятались кто куда. А вот пьяные, с бешеными глазами, во двор выбежали Волк и его, по всей видимости, близкие.

— Тра-та-та! — не раздумывая ни секунды, я даю по толпе длинную, веерную очередь. Тут же с фланга беспорядочно, но густо бьет из своего автомата Алексей.

Шестерых мы срезали мгновенно — они упали как подкошенные, путаясь в собственных ногах. Еще двоих жестко подранили, и сейчас они, оставляя кровавые полосы, с воем ползли обратно в укрытие дома.

Сразу же, пригибаясь под возможными ответными пулями, бегу к припаркованной машине. Из открытой двери пикапа как раз вывалился ошалевший мужик — тот самый «меломан», из-за которого на всю округу орала ритмичная музыка.

— *Бах!* — одиночным, почти в упор, вколачиваю ему пулю прямо в грудь.

Тут же, не теряя темпа, запрыгиваю в кузов пикапа и хватаюсь за рукоятки пулемета. Проверяю ленту. Заряжен. Холодная, смертоносная сталь. Войсковой «Корд». Сейчас мы с ними поговорим.

— Рыцарь, мужика грузи! И бабу прихвати! Всех в машину, живо! — перекрывая звон в ушах, заорал я.

Мы застряли на самом скверном месте — практически на открытом, простреливаемом пространстве двора. Нашим единственным козырем оставался жесткий контроль окон.

Пришлось рассредоточиться, разорвав огневую группу. Я и Алексей держали на прицеле черные провалы окон главного коттеджа, но прямо по курсу скалился еще один дом, тоже входивший в укрепленную базу противника. Оттуда на нас слепо таранились два темных стеклопакета, готовых в любую секунду выплюнуть свинец.

— *Бах!* — хлестко ударил выстрел Седого.

Старый охотник сработал на опережение. В одном из окон соседнего дома только-только мелькнул силуэт, створка распахнулась, и наружу высунулся ребристый ствол укороченного «Калаша». Но выстрелить враг не успел. Пуля Седого отбросила его назад, автомат со звоном брякнулся на асфальт, а сам стрелок безвольным мешком навалился грудью на подоконник, свесив руки. Седой тут же подобрал автомат. Хозяйственный даже сейчас.

Время исказилось. Каждая секунда теперь тянулась, как густая, липкая смола, растекаясь в бесконечные минуты. Едкий пот лил ручьем, заливая глаза и щипля веки. Адреналин бушевал в венах такой яростной кислотой, что меня физически трясло — мышцы требовали движения, броска, укрытия. Но я заставил себя вмерзнуть в землю, удерживая сектор обстрела. Боковым зрением я уловил движение: Дмитрий всё-таки перерезал путы, рывком закинул окровавленного мужика себе на широкую спину и тяжело, зигзагами, потащил его к спасительному пикапу.

— Алексей, женщину! Забирай! — рявкнул я, не отрывая взгляда от прицела и начиная медленно, приставным шагом, отходить к машине.

Алексей метнулся к столбу, лихорадочно полосуюя ножом веревки. Освобожденная пленница смотрела на нас расширенными от шока глазами, в которых плескался первобытный ужас, но, к счастью, не издала ни звука.

И тут ситуация начала выходить из-под контроля. Из-за высокого соседнего забора донеслось глухое копошение и лязг затворов. А в соседнем доме с оглушительным звоном вылетело стекло на втором этаже, и в образовавшуюся брешь хищно высунулся длинный ствол ручного пулемета. Твою мать, да где они вообще раздобыли столько тяжелого арсенала?!

Я мгновенно вскинул оружие и дал короткую, злую очередь по этому окну. Никого не подрезал, враг успел нырнуть в укрытие, но свою задачу я выполнил — чужой пулемет заткнулся, так и не начав обрабатывать по нашим спинам.

Нужна была плотность огня.

— Тра-та-та-та! — я вдавил гашетку.

Для острастки и полного подавления я дал длинную, непрерывную очередь, в щепки разнося рамы первого этажа, а затем веером прошелся по вторым. С мстительным удовлетворением я понял, что кого-то достал. Тяжелая пуля наверняка прошла насквозь хлипкую стену летней веранды, за которой пытался спрятаться один из боевиков.

Бросаю взгляд на кучу тел, только что срезанных моим первым залпом. Одно из них вдруг задергалось, пытается приподняться. И среди кровавого месива я узнал его... Волк. Их вожак оказался живучим. Я хладнокровно довернул ствол и всадил в него короткую прицель-

ную очередь. Посмотрим, твари, как вы теперь будете ладить без своего любимого главаря. Волчара окончательно убит.

— Борец, заводи машину! Почему медлишь?! Давай! — крикнул я так, что сорвал голос. Паника липкой лапой сжала горло: почему до сих пор не заведен двигатель пикапа? Мы здесь как на ладони!

И ровно в эту секунду мотор спасительно, натужно затарахтел.

Мешкать больше нельзя. Моментально перекидываю в руки тубус гранатомета и беру на мушку массивные створки ворот. Внутри кольнуло: чертовски жалко тратить такой ценный заряд. Но будет куда более жалко, если мы останемся здесь лежать. Если враги сумеют сориентироваться, если из них окончательно выветрится хмель — наш дерзкий набег, рассчитанный исключительно на шок и трепет, превратится в банальное избиение. Сила сейчас явно на их стороне. Как качественное, так и колоссальное численное превосходство.

— *Бабах!*

Огненный шар вырвался из ствола. Пущенная мной граната с чудовищным грохотом вмяла ворота, вырывая искореженный металл прямо с петлями. Створки, как картонные, отлетели в стороны, расчищая нам путь.

Пикап, взвизгнув покрывками и швыряясь гравием, рванул вперед с бешеной пробуксовкой.

В этот момент из дверей раскуроченного дома кубарем выкатились еще трое уцелевших бойцов, на ходу вскидывая оружие.

— Тра-та-та! — я ударил по ним длинной заградительной очередью. Меня швыряло из стороны в сторону: пикап жестко подскочил то ли на скрытом камне, то ли на бордюре, и я с огромным трудом удержался в кузове, вцепившись в борт до побеления костяшек.

— *Бах!* — эхом отозвался сухой одиночный выстрел со стороны темного леса.

Это Вадик. Наш снайпер всё еще прикрывал отход и нашел для себя новую цель. А значит, есть отличный шанс, что в стане врага стало еще на одного ублюдка меньше.

Машина на секунду приостановилась, тяжело качнувшись на рессорах. Из придорожных кустов, ломая ветки, живой торпедой выскочил наш снайпер. Вадик на ходу подпрыгнул, уцепился за борт и тяжело рухнул внутрь кузова, чувствительно задев ногами раненого мужика. Но тот даже звука не подал — железный оказался тип.

Он оставался в полном сознании, его блеклые, затянутые пеленой боли глаза смотрели мне прямо в душу, неподвижно и пристально. Мужик молчал. Я слотнул вязкую слюну: судя по этому взгляду, нам еще предстояло разговаривать долгие, тяжелые разговоры. Но это потом. Сначала нужно было просто унести отсюда ноги.

Пикап яростно дёрнулся, взревел мотором и проскочил еще метров шестьдесят по разбитому асфальту поселка, но вдруг резко, со скрежетом тормозов, замер. Не успел я открыть рот, как с водительского сиденья лихо выпрыгнул Борец. На одном дыхании он метнулся к телу того самого дозорного, которого мы сняли первым у забора, перехватил его винтовку и рванул обратно.

В первый момент мне хотелось грязно, по-черному выmaterиться на всю эту задержку, но я вовремя прикусил язык. Сам ведь прекрасно понимал, в каком жутком дефиците у нас сейчас и оружие, и боеприпасы. На счету был каждый ствол, так что лишняя немецкая винтовка точно не повредит. Молоток Борец, сориентировался. То, что нам до сих пор удавалось удрать без потерь, казалось чудом — вслед уходящей машине больше не прилетело ни единого выстрела.

Однако радоваться было рано. В стороне тех трех коттеджей, которые мы только что оставили позади, всё еще гремели выстрелы. Там вовсю полыхал хаотичный, злой бой, и что именно там происходило, мне из кузова было не разглядеть.

В голове промелькнула шальная мысль: уж не спровоцировал ли наш дерзкий налет полноценное восстание рабов? Если несчастные пленные подняли бунт, то как бы мне потом

горько ни пожалеть о том, что мы сейчас малодушно уезжаем. Но разум тут же хладнокровно отсекает эти сомнения: без того дело было сделано огромное. Риск рос в геометрической прогрессии с каждой лишней секундой, что мы топтались на чужой базе. Задержись мы хоть на минуту — и нас бы просто зажали в тиски и размазали. Прямо сейчас к затяжному боевому столкновению с превосходящими силами мы были банально не готовы.

— Бам! – чудовищный, глухой удар сотряс передок пикапа. На капоте, сминая металл, костлявым серым мешком распластался один из Молчунов. Откуда он взялся — черт его знает, словно из-под земли вырос.

— Заворачивай на боковую улицу, между домами! Гони! — истошно выкрикнул я Борцу, вцепляясь в пулеметную турель.

Я увидел его краем глаза и похолодел. Альфа. Он всё-таки пришел на звуки бойни. Огромный, неестественно быстрый силуэт возник впереди, намертво перекрывая нам выезд на главную дорогу. И с ним было немало молчунов. Понятно, куда они подевались. Их подчинил себе Альфа.